

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

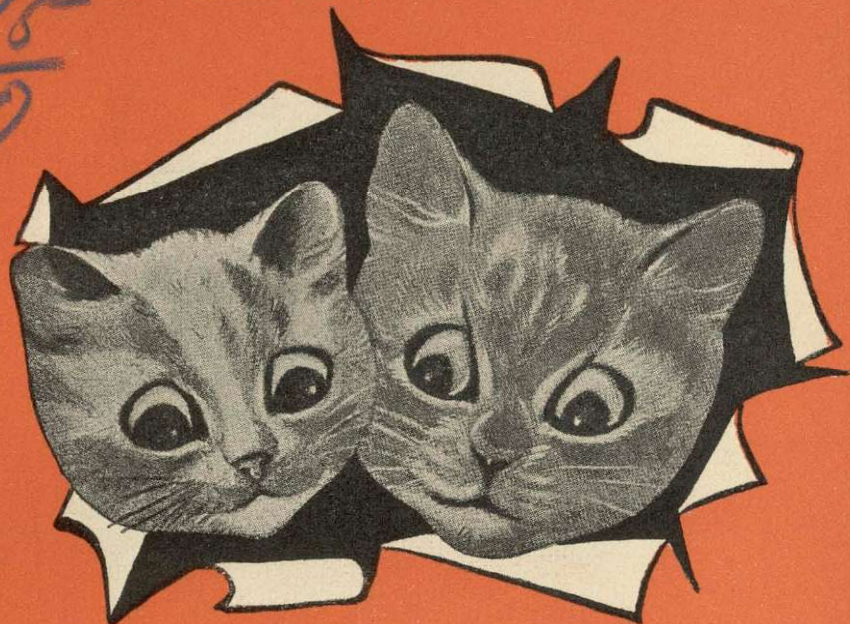
XVI 45
10

Годъ изданія третій

МАРТЪ

№ 10.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПОДЪ ЮЖНЫМЪ НЕБОМЪ.
ВЪ ИМЕРЕТИИ.
НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ
(историческая повѣсть).
ВЕСНА ИДЕТЬ.
ЮРИНЫ ЧЕЛОВѢЧКИ.
РАСТЕНІЯ, КОТОРЫЯ
ПИТАЮТСЯ НАСЪКОМЫМИ.
КАКЪ УСТРОИТЬ ТЕАТРЪ
ТЪНЕЙ.
ШАРАДА, ГОЛОВОЛОМКИ и пр.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

«Съдая старина» (легенды о бы-
ломъ), соч. А. Г. Гербертсонъ

№ 10. Мартъ, 1910.

Подъ редакціей Ш-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Куница.

ПОДЪ ЮЖНЫМЪ НЕБОМЪ.

— Побывайте въ Имеретіи, у стараго Арчила, сказалъ мнѣ мой спутникъ, съ которымъ я лѣтъ двадцать тому назадъ ѣхалъ на пароходѣ изъ Новороссійска въ Батумъ.

Всю дорогу насъ качало, было бурно такъ, что мы двое сутокъ не подходили ни къ одному изъ портовъ Чернаго моря, расположенныхъ по Кавказскому берегу. А когда пристали наконецъ къ Батуму, то было уже два часа ночи и шелъ такой дождь, что некуда было отъ него скрыться. Къ утру дождь пересталъ, и когда я вышелъ изъ гостинницы, то моимъ взорамъ, представился красивый полу-русскій, полу-азіатскій городъ, съ турками и европейцами на улицахъ, съ пальмами на бульварѣ и въ городскомъ скверѣ и съ массой фруктовъ почти на каждомъ шагу. Апельсины продавались прямо на вѣтвяхъ, какіе-то громадныя, величиною чуть не съ дыню, лимоны такъ и манили къ себѣ. Ароматныя персики, желтыя сливы и виноградъ плѣняли своимъ видомъ и такъ и хотѣлось ихъ съѣсть побольше. У берега плескалось голубое, нѣжное море и по песку, у морскихъ купаній, бѣгали красивыя дѣти. Вдалекѣ хмурились туманныя, лиловыя горы. Проѣзжалъ товарный поѣздъ и въ гавани шелъ оживленный дѣловой шумъ. Казалось, что я попалъ за границу, и если-

бы не русскія вывѣски на магазинахъ, то, глядя на эту мечеть съ похожимъ на стеариновую свѣчку минаретомъ и на этихъ турокъ въ зеленыхъ кафтанахъ и съ красными фесками на головахъ, можно было бы подумать, что ты не въ Россіи, а гдѣ-нибудь въ Турціи или въ Египтѣ.

На другой день я былъ уже въ Имеретіи, у стараго Арчила. Это почтенный грузинъ, жившій въ своемъ маленькомъ хуторкѣ, верстахъ въ 40 отъ Кутаиса. Когда я пріѣхалъ къ нему, то онъ встрѣтилъ меня, какъ родного, и не зналъ, чѣмъ угостить и куда меня посадить. Кругомъ было весело, зеленѣли деревья, почти сплошь усѣянныя плодами, свѣтило радостное солнце и небо было такое голубое, какого я не видалъ никогда. Со всѣхъ сторонъ обступали горы, высокія, заходившія за облака, и на нихъ виднѣлись густыя лѣса. Такъ и тянуло туда поскорѣе, въ ихъ глубь, на свободу, гдѣ журчали ручьи и гдѣ было такъ тѣнисто, такъ свѣжо и такъ весело щебетали птицы.

— Подожди, сейчасъ... сказалъ старый Арчилъ, замѣтивъ мое нетерпѣніе.

Онъ взялъ съ собою хлѣба, сыру и вина и мы отправились въ лѣсъ. Намъ попадались по пути грузины, высокіе, статныя, съ каштановыми или черными волосами, темными гла-

зами, одѣтые въ яркіе кафтаны. Они оглядывали меня со всѣхъ сторонъ и проходили мимо.

— Какая прекрасная ваша страна! сказалъ я Арчилу.

— Да, отвѣтилъ онъ. — Наша Имеретія— краса Кавказа. И если-бы ей не пришлось пережить столько несчастій, то лучше ея не было-бы страны во всемъ свѣтѣ. Когда-то и она была самостоятельнымъ государствомъ, имѣла своихъ царей, но явились турки и поработили ее. Они отнимали у насъ нашихъ дѣтей и увозили ихъ къ себѣ въ Турцію, гдѣ продавали ихъ, какъ собакъ. Персидскій шахъ напалъ на насъ, разорялъ нашу страну и уводилъ насъ въ плѣнъ. И вотъ уже болѣе ста лѣтъ, какъ Имеретія перешла къ Россіи, и съ тѣхъ поръ на насъ уже больше не смѣетъ нападать никто.

Мы вошли въ лѣсъ и стали подниматься въ горы. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ лѣсъ становился все гуще и гуще и тѣмъ виды, когда выйдешь на поляну или станешь на край стремнины, становились все шире и лучше. Открывались лужайки, покрытыя сочной травой, внизу виднѣлись пажити и виноградники и вдаль тянулась цѣпь горъ, покрытыхъ вѣчными снѣгами. Съ шумомъ сбѣгами ручьи, перепрыгивая съ камня на камень. Попадались деревья, почти сплошь усыпанныя дикими грушами. Черные плоды терновника манили къ себѣ. Я шелъ за Арчиломъ и не могъ наглядѣться на всю эту

красоту, которую создалъ для человека Богъ.

Какъ вдругъ какая-то прекрасная птица перебѣжала намъ дорогу. У нея былъ длинный, какъ у попугая, хвостъ сѣро-коричневаго цвѣта; все тѣло его было ярко-красное, крылья голубыя и на головѣ— очаровательный золотисто-зеленый хохолокъ. Трудно было представить себѣ болѣе красивую птицу, чѣмъ эта.

— Что это? спросилъ я въ удивленіи.—Какая это птица?

— Это фазанъ, отвѣтилъ Арчилъ.—Если хочешь посмотрѣть на нее поближе, то пойдемъ за нею.

Мы свернули въ сторону и пошли вслѣдъ за фазаномъ. Онъ бѣжалъ отъ насъ не вдалекѣ; стараясь скрыться отъ насъ, онъ вбѣгалъ въ самую чащу кустарниковъ, попадавшихся ему на пути, и снова выбѣгалъ изъ нихъ. Когда на него падалъ солнечный лучъ, то отъ яркости его окраски трудно было на него смотрѣть. Трудно было потерять его изъ виду, но мы все-таки потеряли его. Онъ перехитрилъ насъ и куда-то ушелъ.

— Вѣроятно, онъ убѣжалъ въ лѣсъ, сказалъ я.

— Нѣтъ, отвѣтилъ Арчилъ.—Фазаны большихъ хвойныхъ лѣсовъ не любятъ. Они предпочитаютъ кустарники, окруженные полянами и высокой травой, черезъ которыя бѣжитъ студеная вода.

— Но онъ улетитъ, пойдемъ скорѣе!

— Нѣтъ не улетитъ. Онъ лучше

бѣгаетъ, чѣмъ летаетъ; онъ проползаетъ сквозь самый густой кустарникъ, чтобы достать себѣ зернышко для ѣды, и только на ночь отыскиваетъ себѣ подходящее дерево, взлетаетъ на него и спитъ на немъ до утра. Но подожди, мы сейчасъ соберемъ ихъ много!

Онъ набралъ хворосту и зажегъ его. Сивый дымъ потянулся по землѣ и потянуло горѣвшей хвоей.

— Фазанъ любитъ запахъ дыма, сказалъ Арчилъ, — какъ волкъ — запахъ овцы, а лисица — курицы. Если на этотъ огонь посыпать ячменной соломы, анису, ладону или укропу, то сбѣгутся фазаны изъ-подъ всѣхъ кустовъ.

И, дѣйствительно, скоро мы услышали невдалекѣ крикъ, похожій на кудахтанье курицы, но звучащій нѣсколько иначе: «кухукакъ!»

— Кухукакъ! послышалось и съ другой стороны.

Изъ кустовъ вышли фазанъ и фазаниха. Полдняя отличалась гораздо менѣ блестящимъ опереніемъ, чѣмъ фазанъ. Увидѣвъ насъ, оба они остановились и въ первую минуту не знали, что имъ дѣлать. Какъ вдругъ съ противоположной стороны появился другой фазанъ-самецъ. Завидѣвъ перваго, онъ бросился на него и сталъ драться съ нимъ такъ, какъ дерутся у насъ пѣтухи. Прекрасныя перья полетѣли отъ нихъ въ разныя стороны.

— Надо ихъ развести, сказалъ Арчилъ и бросилъ въ нихъ вѣткой. — Иначе они убьютъ другъ друга.

Всѣ три птицы испугались и тотчасъ-же съ шумомъ разбѣжались въ разныя стороны.

— Нѣтъ болѣе трусливой птицы, чѣмъ фазанъ, сказалъ Арчилъ. — Онъ теряетъ, когда мимо него пробѣгаетъ маленькая мышь, улитка составляетъ его позабыть себя и бѣжать безъ оглядки. Если его застаютъ врасплохъ человѣкъ, то онъ прямо ложится на землю и растопыриваетъ крылья, или-же просто отъ страха прячетъ голову себѣ подъ крыло или въ траву, такъ что можно взять его прямо руками. Когда случается дождь и цѣлые потоки воды устремляются съ горъ на луга, то при неожиданной встрѣчѣ съ водой фазанъ останавливается и не отрывая отъ воды глазъ до тѣхъ поръ, пока вода не поднимется настолько высоко, что смочитъ его всего. Тогда онъ вовсе теряетъ самообладаніе и, растопыривъ крылья, такъ и начинаетъ плыть по водѣ. А бываетъ и такъ, что фазанъ отъ страха передъ водой самъ входитъ въ воду и погибаетъ въ ней. Такая глупая птица! Ты видалъ, какъ два самца сейчасъ дрались? Такъ они дерутся и всегда. Они не любятъ другъ друга и никогда не могутъ ужиться вмѣстѣ, точно наши пѣтухи. Не даромъ-же они одной семьи съ курами и вкусны такъ, что оближешь себѣ пальцы. Но пойдѣмъ дальше!

Мы затоптали догорѣвшій костеръ и побрели далѣе лѣсомъ, среди котораго то и дѣло попадались цѣлыя

поляны, поросшія мелкимъ кустарникомъ.

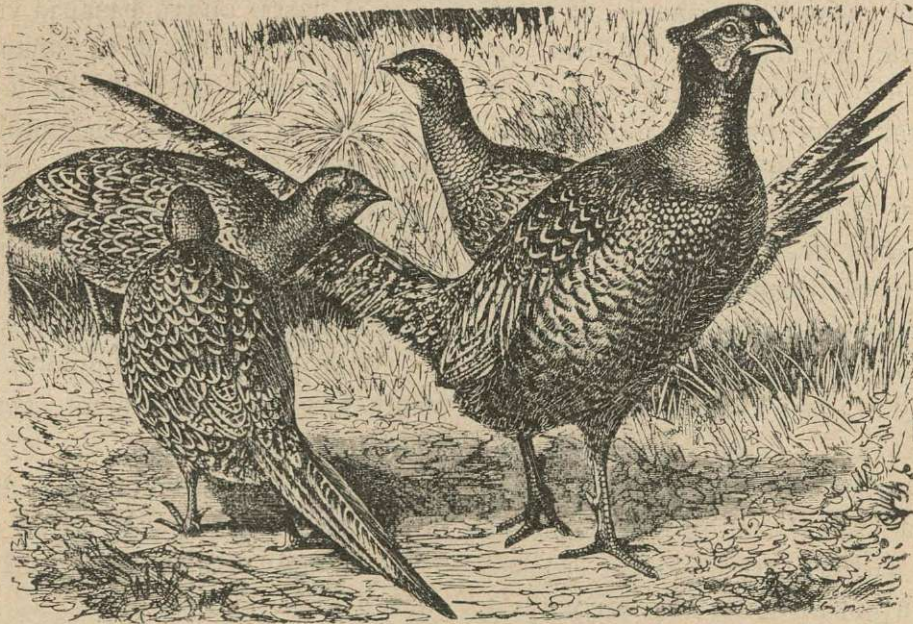
— Тсс!.. вдругъ сказалъ Арчилъ и легъ на траву на животъ. — Ложись и ты!

Я легъ и мы поползли къ группѣ деревьевъ, у подошвы которыхъ росли кусты, настолько густые, что, ка-

кнѣзда и набравши сухихъ листьевъ и травы закрыла яйца почти сплошь. Покричавъ, какъ и наша курица, она отправилась добывать себѣ кормъ.

Арчилъ протянулъ руку, разгребъ по сторонамъ покрывку и сосчиталъ яйца.

— Всѣ двѣнадцать! сказалъ онъ. —

Фазаны.

залось, сквозь нихъ нельзя было просунуть руки.

— Гляди сюда! указалъ Арчилъ прямо подъ кусты.

Я поглядѣлъ и увидѣлъ фазаниху. Она сидѣла въ гнѣздѣ. Повидимому, неслась. Затаивъ дыханіе, я сталъ разглядывать ее и наблюдать. Не замѣчая насъ, она продолжала свое дѣло и когда неслась, то сошла съ

Значитъ, она снесла сейчасъ послѣднее. Теперь она будетъ высиживать цыплятъ.

Онъ взялъ два яйца и протянулъ ихъ ко мнѣ.

— Возьми ихъ себѣ на память! сказалъ онъ.

Яйца были почти совсѣмъ круглыя, меньше куриныхъ и зеленоватаго цвѣта.

— Зачѣмъ-же ты мнѣ ихъ даешь? отвѣтилъ я.—Вѣдь она тогда выведетъ не двѣнадцать цыплятъ, а десять.

— Не безпокойся! сказалъ Арчилъ.—Животныя и птицы счета не знаютъ, но фазаны всегда докладываютъ пропавшія яйца. Стоитъ только фазанихъ лишиться своихъ яицъ, какъ она тотчасъ же принимается нести ихъ снова. А когда она садится на нихъ, начинаетъ ихъ высиживать, то она такъ любитъ это дѣлать, что забываетъ обо всемъ, сидитъ, какъ деревянная, и подпускаетъ къ себѣ самаго своего злѣйшаго врага. И когда онъ нападаетъ на нее, то она не улетаетъ отъ него, а пускается бѣжать. Онъ съѣдаетъ ея яйца, но она не смущается этимъ и несетъ ихъ снова.

— Долго она сидитъ на яйцахъ? спросилъ я.

— Около четырехъ недѣль. Когда цыплята выведутся, то она держитъ ихъ въ гнѣздѣ подъ собою только до тѣхъ поръ, пока они высохнутъ, а затѣмъ тотчасъ-же уводитъ ихъ съ собою добывать кормъ. Отца они не знаютъ.

Я положилъ яйца обратно въ гнѣздо, засыпалъ ихъ листьями и травой, какъ это сдѣлала и фазаниха, и мы отправились дальше.

Долго бродили мы по горамъ и лѣсамъ, заходили за облака и спускались внизъ, пили изъ хрустальныхъ ручьевъ, ѣли хлѣбъ и сыръ, которые захватили съ собой. А когда наступилъ вечеръ и солнце закатилось за

горы, то мы отправились обратно домой. Повѣяло свѣжестью, потянулись ароматы и гдѣ-то въ дальнемъ аулѣ замычалъ скотъ и слышны были звуки дѣтскихъ голосовъ. Мы снова вступили въ лѣсъ, затѣмъ вышли изъ него и поплелись долиной, поросшей мелкимъ кустарникомъ и рѣдкими чинаровыми и грушевыми деревьями.

— А вотъ опять фазанъ! указалъ мнѣ Арчилъ.—Это мать укладывается со своимъ выводкомъ на ночлегъ!

Я поглядѣлъ по указанному направлению. На вѣтвяхъ дерева, невысоко надъ землею, попискивая, точно наши обыкновенныя цыплята, громоздились другъ ко дружкѣ сѣренькія, похожія на перепѣлокъ, птички. Мать кудахтала, широко распустивъ крылья и подбирая дѣтей поближе къ себѣ.

— Имъ уже исполнилось двѣнадцать дней, сказалъ Арчилъ.

— Почему ты это знаешь? спросилъ я его.

— Какъ только маленькимъ фазанамъ исполнится двѣнадцать дней, то они взлетаютъ съ матерью на ночь на деревья. До тѣхъ-же поръ они спятъ вмѣстѣ съ матерью на землѣ.

— А когда мать бросаетъ своихъ птенцовъ навсегда?

— До поздней осени она водитъ всѣхъ цыплятъ съ собою. А когда настаетъ глубокая осень, то отъ нея прежде всего убѣгаютъ самцы, а самки остаются при ней на цѣлую зиму. Только весной покидаютъ ее и онѣ.

Было уже темно, когда мы возвратились обратно къ Арчилу. Черное бархатное небо было усѣяно миллионами звѣздъ и кричали цикады. Мы сидѣли у сакли въ саду и молчали. Перелетали какія-то свѣтящіяся насѣкомыя, такъ что было похоже на огненный дождь, и было такъ хорошо, точно въ сказкѣ.

А на другой день поѣздъ уже снова мчалъ меня къ Батуму. Съ одного бока у меня громоздились горы, покрытыя садами, виноградниками и чайными плантаціями, а съ другого плескалось голубое море. На горизонтѣ виднѣлся дымокъ парохода. Онъ повезетъ меня отсюда домой.

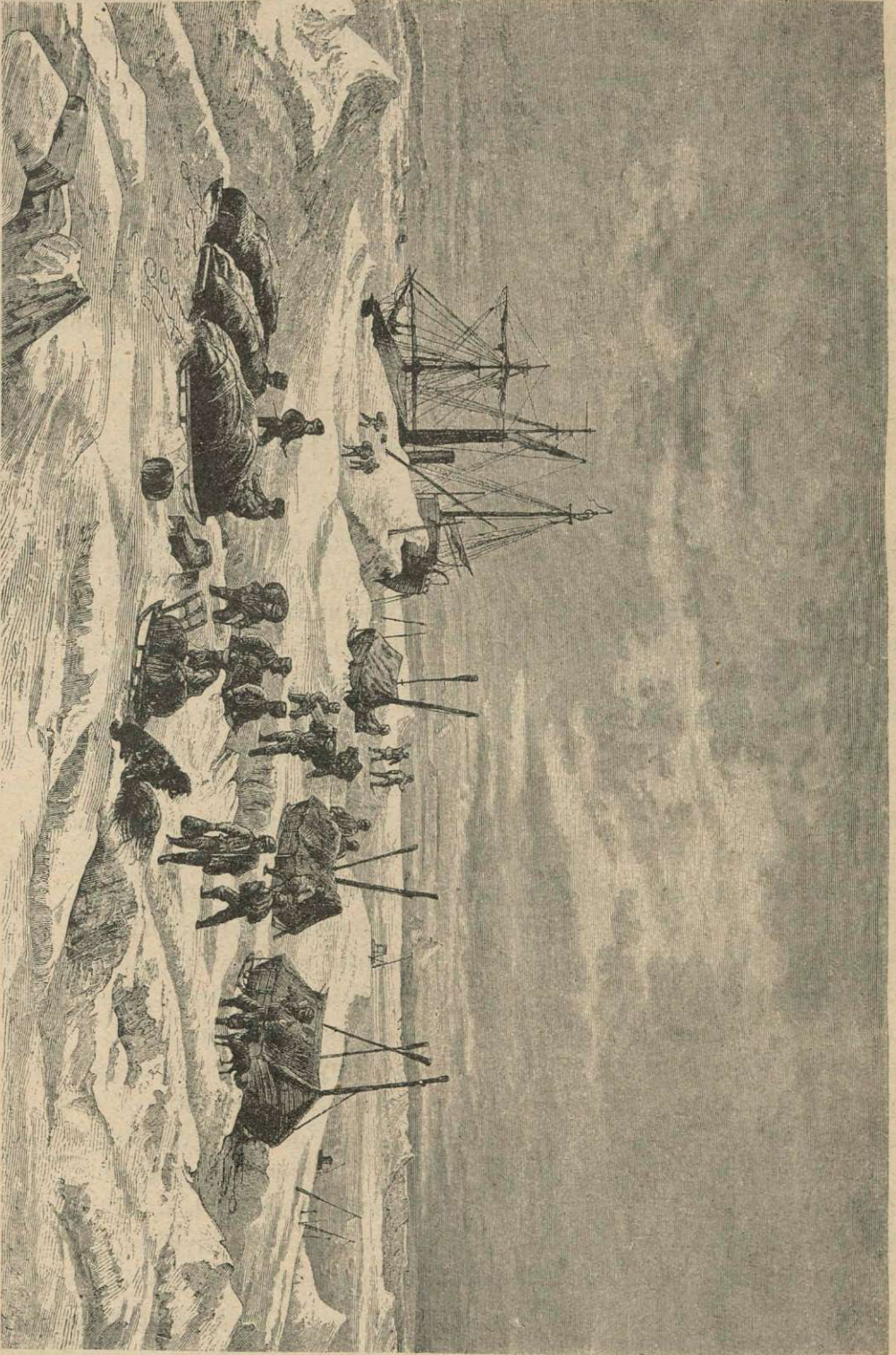
С. Вершининъ.

ВЪ ИМЕРЕТІИ.

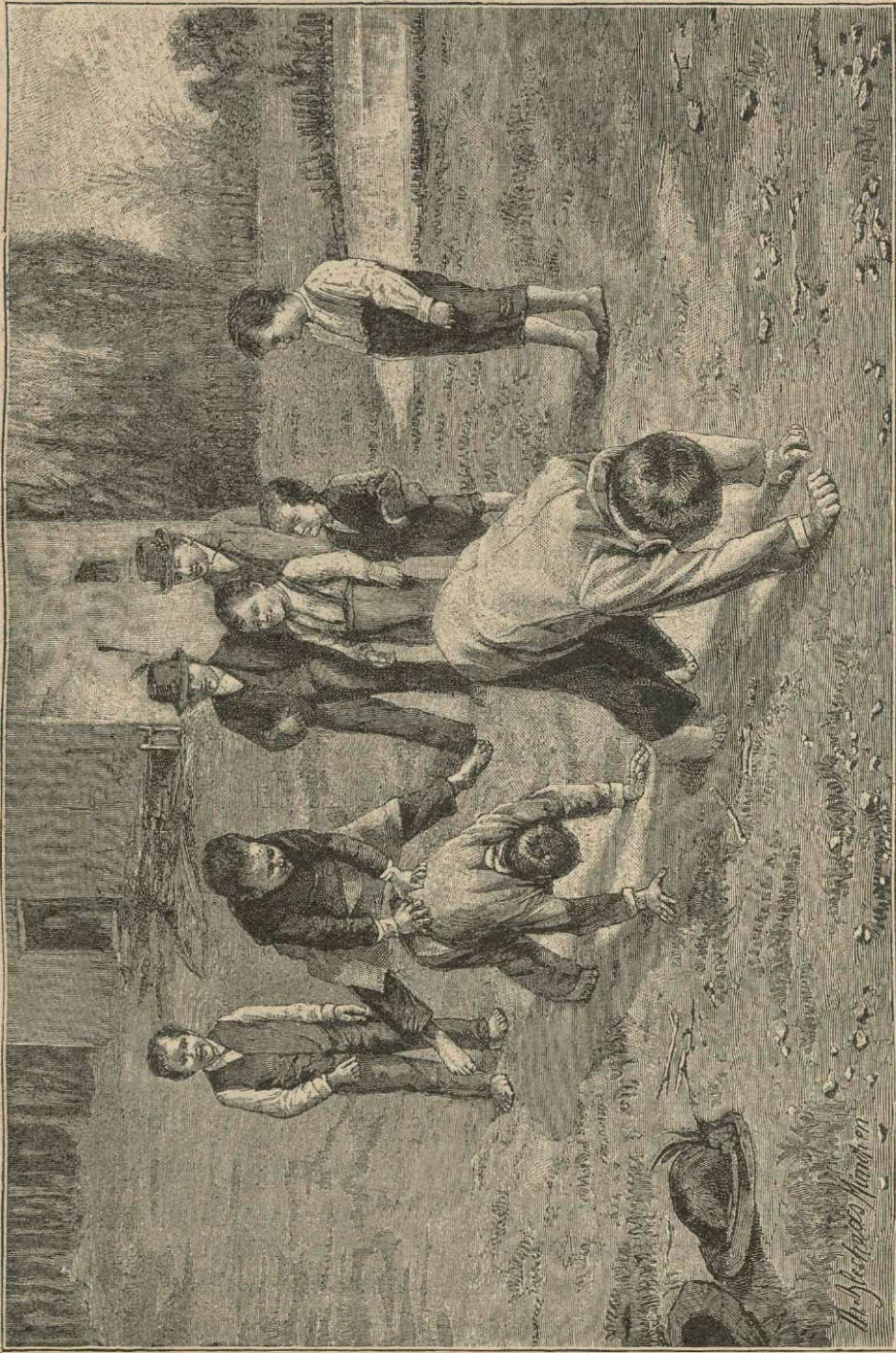
Подъ знойными лучами
Полуденныхъ небесъ
Иду... Шумитъ ключами
Завороженный лѣсъ.
И всюду преграждая
Мой путь, встають гурьбой
То груша молодая,
То дикій звѣробой.
Заколосились травы,—
Порой изъ-подъ камней
Блеснетъ глазокъ лукавый
Неосторожныхъ змѣй.
Въ тропинкахъ чуть примѣтныхъ
Мелькаютъ муравьи
И ящерицъ несмѣтныхъ
Страшатъ стопы мои.
Снуютъ въ кустахъ фазаны,
Вперяя зоркій взглядъ,
И, солнцемъ осіянный,
Лѣсъ нѣгою объятъ.
Вдали грядой веселой
Разбросанъ рядъ холмовъ;

Кой-гдѣ бѣлѣютъ села,
Плывутъ струи дымовъ.
Вотъ мшистый остовъ башни,
Пріютъ полночныхъ совъ,
А вотъ уже и пашни
И близость голосовъ.
Взрывая пашни плугомъ
Два буйвола бредутъ
И въ воздухѣ, надъ лугомъ
Кузнечики снуютъ.
Иду на край откоса
Порожистыхъ глубинъ,—
Сидитъ внизу у плеса
Рыбакъ-имеретинъ.
И снова предо мною
Нетронутый просторъ,
Гдѣ пестрою стѣною
Встаетъ зеленый боръ.
Иду... Шумитъ ключами
Завороженный лѣсъ,
А даль горитъ лучами
Полуденныхъ небесъ.

Аркадій Бѣловоленко.

На Ямбуръ, Чрепт.

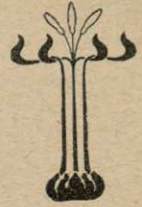
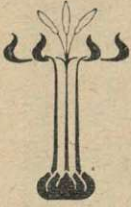
Игра въ чехарду.

НА ЗАРѢ НОВОЙ ЖИЗНИ.

Историческая повѣсть.

(По Ben-Hur, by Lew. Wallace).

(Продолженіе).

XIV.

Бенъ-Хуръ подошелъ къ Іерусалиму, выбралъ себѣ камень у дороги, сѣлъ на него отдохнуть и долго любовался на разстилавшійся передъ нимъ святой городъ. Это была его родина. Здѣсь онъ не жилъ цѣлыхъ восемь лѣтъ, и какъ все за это время переѣнилось! Вотъ виднѣются какія-то постройки, которыхъ при немъ вовсе не было. Прежде здѣсь были только кусты, а теперь изъ нихъ выросла цѣлая роща... А развѣ самъ Бенъ-Хуръ не измѣнился за это время?

Молодой человѣкъ вспомнилъ, что ему пришлось пережить и глубоко вздохнулъ. Затѣмъ онъ подумалъ о матери и сестрѣ и сталъ горько плакать...

Садилось солнце и все кругомъ было залито въ оранжевый цвѣтъ. Мимо Бенъ-Хура прогнали стадо, кто-то проѣхалъ и прошелъ, но онъ не замѣчалъ никого и ничего и все думалъ, думалъ и думалъ...

Было уже темно, когда онъ спустился съ горы и вошелъ въ городъ. По восточному обычаю, встрѣчные кланялись ему, а затѣмъ стали попадаться все рѣже и рѣже и наконецъ весь городъ улегся на покой. Новизна положенія, ночь, неизвѣст-

ность будущаго—все настраивало Бенъ-Хура на невеселыя мысли. Все болѣе и болѣе впадая въ мрачное настроеніе, онъ какъ-то неожиданно и невольно для себя очутился вдругъ у того мѣста, гдѣ когда-то находился его домъ, и прямо направился къ нему. Читатели легко поймутъ его чувства, когда онъ подходилъ къ нему. Почти у каждого есть своя семья, свой рай, гдѣ протекаетъ или протекало его дѣтство, гдѣ каждый весело смѣялся, распѣвалъ пѣсни и не думалъ о будущемъ. И вотъ Бенъ-Хуръ стоитъ передъ своимъ старымъ домомъ, гдѣ когда-то такъ счастливо промелькнуло его дѣтство. Окна у дома забиты, на крышѣ уже поросла трава, на углахъ двери еще уцѣлѣлъ сюргучъ, употребленный при опечатываніи, и на ней все еще виднѣлась надпись: «Этотъ домъ отобранъ въ казну».

Никто не входилъ и не выходилъ черезъ эту дверь со временъ горестнаго дня разлуки. Постучаться ли ему по-старому? Онъ зналъ, что это безцѣльно, но не могъ преодолѣть искушенія. Взявъ камень, онъ поднялся по ступенямъ и три раза ударилъ имъ въ дверь. Глухое эхо от-

вѣтило ему. Затѣмъ онъ отошелъ на средину улицы и оглянулъ окна, но нигдѣ ничего не было видно. Молча обошелъ онъ весь домъ кругомъ, но вездѣ входы были запечатаны. Мягкій блескъ луны, выглянувшей изъ-за Масличной горы, освѣтилъ осиротѣвшій домъ. Усталость отъ долгаго путешествія по лѣтней жарѣ овладѣла Іудой, онъ опустился на ступени своего крыльца, посидѣлъ на нихъ немного, а потомъ легъ и заснулъ.

Въ это время двѣ женщины вышли на ту же улицу. Онѣ подвигались медленно, робкими шагами, часто останавливаясь и приглядываясь. У угла зданія съ забитыми окнами одна изъ нихъ тихо сказала другой:

— Вотъ онъ, Тирса! Вотъ онъ нашъ домъ!

Тирса оперлась на руку матери и тихо зарыдала.

— Посмотримъ на этотъ домъ, продолжала мать,—а какъ только настанетъ утро, то насъ выведутъ за городъ и, какъ прокаженнымъ, ужъ больше не позволятъ сюда приходить.

Тирса почти упала на камни.

— Ахъ, да! произнесла она среди рыданій,—я и забыла. Я было подумала, что иду домой. Но мы прокаженные и у насъ нѣтъ дома. Мы принадлежимъ смерти!

Мать подняла ее.

— Пойдемъ, сказала она.

Прокрадываясь въ тѣни высокой стѣны, онѣ скользили, какъ два призрака. Подойдя поближе, онѣ про-

чли надпись:—«Этотъ домъ отобранъ въ казну». Тогда мать сложила руки и испустила вопль:

— О, Тирса! Бѣдный, бѣдный!...

— Кто бѣдный?

— Твой братъ. Они все отняли у него, даже этотъ домъ!

— Бѣдный! повторила и Тирса.— Но что-же дѣлать, мама?

— Пойдемъ! сказала мать.

Она схватила Тирсу за руку и подошла поближе къ дому.

— Тссс!.. сказала она.— Тутъ кто-то лежитъ...

Онѣ подошли еще поближе и остановились.

— Онъ спитъ, Тирса!..

Сказавъ это, мать тихо подошла къ двери, чтобы проникнуть въ домъ. Въ это время спавшій на ступенькахъ мужчина вздохнулъ и повернулся лицомъ прямо на луну. Мать взглянула на него и вздрогнула, опять взглянула, сложила руки вмѣстѣ и подняла глаза къ небу. Затѣмъ она бросилась къ Тирсѣ.

— Это мой сынъ! воскликнула она.—Твой братъ!

— Братъ? удивилась дѣвушка.— Іуда?

Мать быстро схватила ее за руку.

— Посмотримъ на него еще разокъ, сказала она,—и... и уйдемъ.

Держась за руки, онѣ быстро подошли къ Бенъ-Хуру и остановились. Одна изъ его рукъ свободно лежала на ступенькѣ. Тирса упала на колѣни и хотѣла было поцѣловать ее, но мать отдернула ее назадъ.

— Ни за что на свѣтѣ! сказала она.—Мы нечистыя! Мы заразимъ и его!

Тирса отшатнулась отъ него. Иуда лежалъ на спинѣ и при свѣтѣ луны казался очень красивымъ, но еще бѣльшимъ красавцемъ казался онъ матери. Какъ сильно желала она обхватить его руками и, прижавъ его голову къ своей груди, цѣловать его, какъ въ былое время счастливаго дѣтства! Но теперь этого сдѣлать было нельзя. Тогда она наклонилась и подползши къ его ногамъ, коснулась губами подошвы его сапога. Еще и еще. Казалось, всю душу она вложила въ эти поцѣлуи. Онъ пошевелился и отбросилъ руку. Мать отскочила, стараясь заглушить рыданія, отъ которыхъ разрывалось ея сердце. Затѣмъ онѣ еще разъ взглянули на него и отошли подальше отъ Иуды и стали въ тѣнь.

Тѣмъ временемъ изъ-за угла дома показалась другая женщина. Она несла корзину, наполненную овощами. При видѣ человѣка на ступенькѣ, она остановилась; потомъ, какъ бы рѣшившись, она двинулась дальше, обошла спавшаго, подошла къ самой двери, вынула изъ нея одну изъ досокъ, просунула сквозь образовавшееся отверстіе корзину въ домъ и хотѣла было и сама пролѣзть туда же, но взглянула въ другой разъ на незнакомца.

Мать и дочь, стоя въ тѣни, услышали, какъ она вскрикнула, и увидели, какъ она стала протирать себѣ

глаза, какъ бы не довѣря имъ, затѣмъ наклонилась, схватила человѣка за руку и горячо поцѣловала ее. Разбуженный этимъ, Бенъ-Хуръ воскликнулъ:

— Амра! О, Амра, ты-ли это?

Она кинулась ему на шею, рыдая отъ радости. Онъ прижалъ ее къ сердцу и сталъ ее цѣловать. Стоящія въ сторонѣ слышали, какъ онъ сказалъ:

— О, Амра, расскажи мнѣ о мамѣ, о Тирсѣ! Говори, говори, умоляю тебя!

Амра только рыдала.

— Ты ихъ видѣла, Амра? Ты знаешь, гдѣ онѣ? Скажи мнѣ!

Амра не отвѣчала ни слова.

— Ты хотѣла войти? Ты все еще живешь въ этомъ домѣ? продолжалъ Бенъ-Хуръ. — Такъ войдемъ же вмѣстѣ!

— Римляне запечатали меня въ этомъ домѣ, сказала наконецъ Амра,—но прикащикъ добраго Симонида явился сюда и сдѣлалъ для меня эту лазейку. И вотъ я живу здѣсь тайкомъ и только ночью выхожу, чтобы купить себѣ ѣды.

— И ты не боишься?

— Нѣтъ, римляне думаютъ, что я умерла.

И они вошли черезъ лазейку въ домъ. А мать и дочь еще долго стояли въ тѣни и грустно смотрѣли на свое прежнее жилище.

А когда настало утро, то ихъ наши все еще около дома и безжалостно выгнали изъ города.

— Идите прочь! сказали имъ.— Вы принадлежите мертвецамъ. Вы нечистыя!

Эти слова мучительно звучали въ ихъ ухахъ и онѣ покорно удалились.

XV.

На слѣдующее утро, еще до восхода солнца, Амра вышла изъ Иерусалима и приблизившись къ колодецу Энъ-Рогель, сѣла на камень. Это было то самое мѣсто, невдалекѣ отъ котораго находились пещеры. Въ этихъ пещерахъ скрывались всѣ прокаженные, изгнанные изъ Иерусалима. Она принесла съ собою кувшинъ воды и корзину съ ѣдой, покрытой бѣлоснѣжной скатертью. Поставивъ ихъ на землю, около себя, она сложила руки на колѣняхъ и стала ждать. Показалось загѣмъ солнце, а она все еще ждала и ждала.

Кого же она ждала?

Она имѣла обыкновеніе ходить на рынокъ по ночамъ. Прокрадываясь изъ дома незамѣченная, она отыскивала лавки на окраинѣ города, стучалась въ нихъ, ей отпирали, она покупала въ нихъ все, что было нужно, и уходила. Деньги ей присылалъ Симонидъ. Когда же къ ней возвратился Бенъ-Хуръ, то радости ея не было границъ. Переночевавъ у нея, онъ ушелъ и обѣщалъ навѣстить ее и на слѣдующую ночь. Ожидая его, она стала придумывать, чѣмъ бы его угостить, и, вспомнивъ, что онъ когда-то въ дѣтствѣ очень

любилъ медъ, отправилась его разыскивать. Бродя по улицамъ, изъ лавки въ лавку, она услышала случайно разговоръ одного человѣка.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые держали факелы передъ Понтиемъ Пилатомъ, когда онъ входилъ въ камеру, въ которой были заключены мать и сестра Бенъ-Хура. Онъ передавалъ своимъ слушателямъ всѣ подробности ихъ освобожденія и Амра съ замираніемъ сердца слушала, какъ ихъ освобождали. Еле слыша подъ собою ноги, она побѣжала къ себѣ домой, точно въ чадѣ. Какое счастье она доставитъ сейчасъ своему Іудѣ! Она несла корзину, то смѣясь, то плача отъ радости. Но вдругъ она остановилась. Вѣдь обѣ онѣ, и Тирса и ея мать, поражены проказой. Если она хоть слово скажетъ ему о нихъ, то онъ побѣжитъ ихъ разыскивать и заразится отъ нихъ и самъ. Она стала ломать себѣ руки. Что ей дѣлать?

Она знала, что прокаженные имѣли обыкновеніе по утрамъ выходить изъ своихъ пещеръ и запасаться водой изъ колодца Энъ-Рогель. Принеся кувшины, они ставили ихъ на землю и, стоя въ отдаленіи, дожидались, пока ихъ наполнятъ водой другіе и уйдутъ. Навѣрное придутъ за водой и ея госпожа съ Тирсой.

Амра рѣшила не говорить Бенъ-Хуру ничего. Она сначала повидается съ ними, хотя издали, а потомъ... потомъ будетъ видно. Вотъ почему, когда стало разсвѣтать, она напол-

нила корзину, взяла кувшинъ и отправилась къ колодцу Энъ-Рогелю.

Взошло солнце. Изъ своихъ пещеръ показались прокаженные и съ водоносами медленно потянулись къ колодцу. Въ томъ, что среди нихъ были и ея госпожа съ дочерью, Амра нисколько не сомнѣвалась. И дѣйствительно, скоро она увидѣла двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна поддерживала другую. Онѣ обѣ выглядывали старухами и озирались кругомъ, какъ будто все для нихъ было ново. Амра смѣло пошла къ нимъ навстрѣчу. Неужели она ошиблась? Сердце ея трепетало. Но она бодро шла впередъ и за четыре или пять сажений отъ того мѣста, гдѣ онѣ стояли, остановилась.

— Нѣтъ, я ошиблась... сказала она себѣ.—Это какія-то двѣ старушки... я никогда не видала ихъ прежде... Пойду домой!

И она повернула назадъ.

— Амра! вдругъ позвала ее одна изъ прокаженныхъ.

Египтянка съ трепетомъ оглянулась назадъ.

— Кто звалъ меня? спросила она.

— Амра!

Удивленные глаза служанки остановились на лицѣ говорившей.

— Кто вы? воскликнула она.

— Мы тѣ, которыхъ ты ищешь!

Амра упала на колѣни.

— О, госпожи, госпожи! воскликнула она.

И на колѣняхъ Амра стала подвигаться въ нимъ поближе.

— Стой, Амра! Не подходи близко! Мы нечистыя!

Амра припала лицомъ къ землѣ и стала рыдать. Затѣмъ она встала и открыла корзину.

— Здѣсь мясо и хлѣбъ, сказала она.—Это для васъ.

Потомъ она сошла къ колодцу, наполнила кувшинъ водою и возвратилась обратно. Поставивъ воду около корзины, она снова отошла назадъ.

— Благодарю, Амра! сказала госпожа и забрала вещи.

— Не нужно-ли еще чего-нибудь? спросила Амра.

— Я знаю, что Иуда возвратился домой, отвѣтила госпожа.—Пройлой ночью я видѣла его у крыльца нашего дома. Онъ спалъ на ступеняхъ. Я видѣла, какъ ты его разбудила.

Амра всплеснула руками.

— О, госпожа, воскликнула она.— Вы видѣли и не подошли!

— Я этого не могу сдѣлать... О, Амра, Амра! Я знаю, что ты его любишь!

— Да, сказала женщина, заливаясь слезами и становясь на колѣни.— Я умру за него!

— Докажи это, Амра!

— Я готова.

— Въ такомъ случаѣ ничего не говори ему о насъ.

— Но вѣдь онъ ищетъ васъ! Онъ пришелъ издалека, чтобы васъ найти.

— Онъ не долженъ насъ найти, онъ не долженъ знать, что мы жи-

вы. Иначе онъ придетъ къ намъ и заразится отъ насъ.

— О, какъ жестоко это будетъ съ моей стороны! воскликнула Амра.

— А развѣ ты можешь сказать ему, что мы здоровы? спросила Тирса.

Служанка прижала руки къ сердцу.

— Нѣтъ, отвѣтила она.

— Поэтому молчи, сказала госпо-

жа.—Иди и возвращайся вечеромъ. Мы будемъ тебя ждать.

И онѣ повернули назадъ къ пещерамъ.

Амра дождалась, стоя на колѣняхъ, пока онѣ исчезли; потомъ она поднялась на ноги и печально побрела домой.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЕСНА ИДЕТЪ.

I.

Весны ужъ слышится дыханье...
Послѣдній падаетъ снѣжокъ,
Но ужъ таитъ благоуханье
Въ себѣ оттаявшій лужокъ.

И хоть поля еще унылы
И лѣсъ безлиственный молчитъ,
Но ужъ не спятъ природы силы
И скоро все зоговорить.

Прошла пора зимы суровой,
Ужъ таютъ рыхлые снѣга
И скоро рѣки, снявъ оковы,
Зальютъ широко берега.

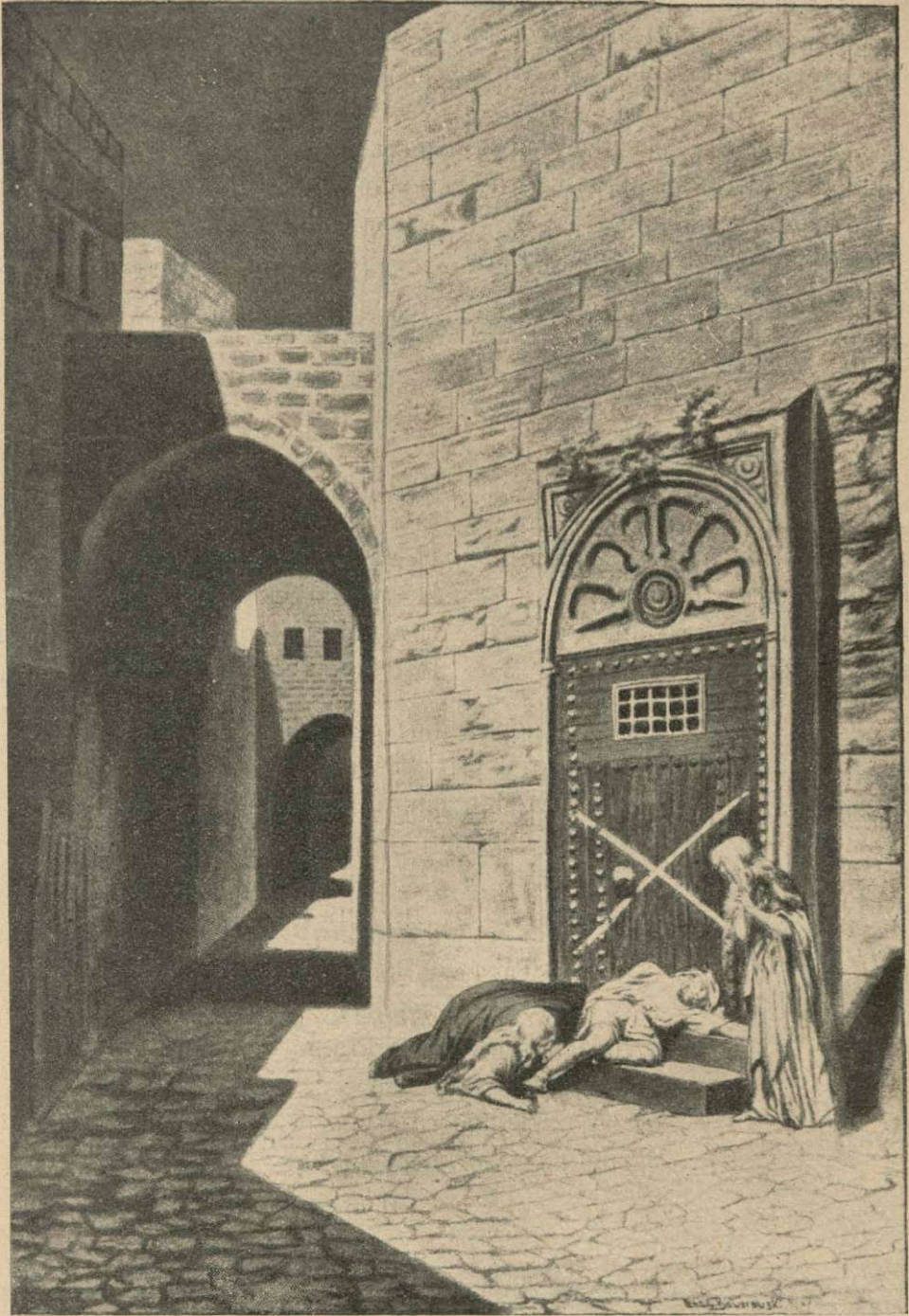
II.

Таетъ снѣжокъ,
Скоро лужокъ
Весь запестрѣетъ цвѣтами.
Снова весна
Землю отъ сна
Звонкими будитъ ручьями.

Н. Б.—доровъ.

— Это мой сын! — воскликнула она (къ 11 стр.).

Напроказиль.

ЮРИНЫ ЧЕЛОВѢЧКИ.

Тихо въ дремучемъ лѣсу. Темно синее небо, какъ темный бархатъ виситъ надъ спящимъ лѣсомъ и яркія звѣздочки мерцаютъ голубыми и желтыми огоньками. Ночь окутала лѣсъ со всѣхъ сторонъ и подъ густой шапкой деревьевъ такъ темно, что ничего не видно. Краснѣетъ огонекъ въ окнѣ избушки лѣсника. Всѣ въ избушкѣ спятъ. Въ углу лежитъ сынишка лѣсника Юра и прислушивается: тихо и ровно дышетъ мать и храпитъ отецъ, повернувшись къ стѣнѣ. Юра тихонько поднялся, потянулъ къ себѣ штанишки, надѣлъ ихъ и тихо, на цыпочкахъ, сталъ подвигаться къ окну. Темная ночь взглянула ему въ лицо; запахло сырмъ мхомъ и цвѣтами. Юра влѣзъ на подоконникъ, ловко спрыгнулъ на траву и пошелъ въ дремучій лѣсъ. Кругомъ тишина. Кромѣ Юры въ лѣсу не было ни души. Цвѣты и птицы, звѣри и люди — всѣ спали крѣпкимъ сномъ. Одна лишь сѣрая сова не спала; она сидѣла на пнѣ и тарачила свои глаза на Юру, а когда онъ подошелъ поближе, то она взмахнула крыльями и улетѣла.

«Вотъ папа съ мамой спятъ», подумалъ Юра — «и не знаютъ, что я одинъ въ лѣсу, а если бы и увидѣли, то не пустили бы меня; они и днемъ боятся отпускать меня одного. Спите себѣ, а я до утра прогуляю: пройду лѣсъ, поле и болото, а

къ утру домой вернусь и опять лягу; они и не узнаютъ, что я въ лѣсъ уходилъ».

И онъ легко и весело зашагалъ по травѣ. Какъ вдругъ онъ почувствовалъ, что правой его рукѣ стало тяжело, какъ будто кто-то на ней повисъ. Онъ остановился и посмотрѣлъ на руку.

— Ай, кто это? вскрикнулъ онъ, тряхнувъ рукой.

Цѣпляясь за рукавъ Юры, лѣзъ по плечу его крошечный, сѣрый человекъ.

— Я обманъ!.. сказалъ этотъ человекъ... Я пойду вмѣстѣ съ тобою, ты меня знаешь и любишь, такъ пойдемъ-же вмѣстѣ.

Онъ крѣпко уцѣпился Юрѣ за плечо своими цѣпкими ручками и, какъ Юра ни старался, онъ не могъ его съ себя сбросить.

— Ты папу съ мамой обманулъ, шепталъ ему человекъ, они тебя любятъ, а ты обманулъ, меня любишь, не пойду отъ тебя!

— А я все-таки пойду еще и къ болоту! упрямо твердилъ Юра и пошелъ дальшѣ по темному лѣсу.

Какъ вдругъ изъ травы выскочилъ другой человекъ, зацѣпился за лѣвую руку Юры, быстро вскарабкался ему на другое плечо и сталъ шептать ему въ другое ухо:

— Я упрямяство, я упрямяство!

— Сойди съ меня! капризно за-

кричалъ Юра. — Мнѣ тяжело нести васъ обоихъ! Сойдите-же, говорю я вамъ!

Юра кричалъ, топалъ ногою и капризно требовалъ, чтобы они оставили его и ушли. Какъ вдругъ раздался тоненькій голосокъ:

— Я капризь, я твой капризь!

И какой-то еще третій маленькій человѣчекъ вскочилъ на Юру и обхватилъ его за шею. Плечи Юры все опускаются ниже и ниже и все тяжелѣе ему идти, но онъ упрямъ, онъ тащитъ человѣчковъ на себѣ, хоть ему и трудно, и все идетъ къ болоту, куда ему не позволяютъ ходить и днемъ.

— Ахъ, ты непослушный мальчишка! кричитъ четвертый человѣчекъ и цѣпляется ему за штанишки, виснеть и мѣшаетъ ему идти.

— Пошелъ прочь! кричитъ ему Юра.

— Не пойду! отвѣчаетъ ему человѣчекъ. — Я непослушаніе, я люблю тебя и ты мой.

Уже не далеко осталось до болота, запахъ его уже доносится до Юры.

«Сейчасъ заберусь въ болото», думаетъ онъ, «наѣмся тамъ клюквы, а то дома не позволяетъ мнѣ мама».

— Я здѣсь, я здѣсь! вдругъ раздается чей-то новый голосокъ. — Я твое лакомство! Возьми и меня съ собой!

— Уйди, не хочу тебя! кричитъ Юра.

Но изъ травы выскакиваетъ пятый человѣчекъ и липнетъ къ его

спинѣ. Юра едва шевелитъ ногами, такъ тяжело ему идти; онъ усталъ, потъ градомъ льетъ съ его лица, а упрямья ноги все несутъ его къ болоту. Но вотъ онъ остановился и сѣлъ на большой камень; дальше идти онъ уже не можетъ.

— Отдохну немного, думаетъ Юра, а потомъ опять пойду!

Но всѣ человѣчки вдругъ разомъ закричали:

— Вставай, вставай, это еще что? Хотѣлъ нести насъ, такъ неси!

Собралъ Юра всѣ свои силы, всталъ и медленно побрелъ дальше въ темный лѣсъ къ запретному болоту. На болотѣ было свѣтлѣе, чѣмъ въ лѣсу, и Юра разглядѣлъ сотни тонкихъ, зеленыхъ стебельковъ, на которыхъ весело качались ягоды клюквы. И онъ радостно воскликнулъ:

— Ягодъ-то, ягодъ-то сколько! Сейчасъ наѣмся ихъ!

И, забывъ, что на немъ висятъ и сидятъ человѣчки, онъ весело пошелъ по кочкамъ болота. Но не успѣлъ онъ сдѣлать и десяти шаговъ, какъ мягкій мохъ сталъ уходить изъ-подъ его ногъ, выступила болотная вода и Юру стало затягивать болото. Все глубже и ниже опускались ноги Юры, все тяжелѣе давили внизъ человѣчки и все глубже и глубже сосало Юру болото. Онъ поднималъ руки въ страхъ и что было силы закричалъ:

— Мама, мамочка, спаси меня! Я буду слушаться, я буду хорошій!

Услыхавъ это слово «хорошій», чело-
вѣчки вдругъ испугались и сразу
соскочили съ Юры. Откуда-то про-
тянулись двѣ бѣлыя, нѣжныя руки
и, схвативъ его за руки, вытащили
его изъ болота.

— Да проснись-же, проснись! вдругъ
раздался около него голосъ мамы.—
Чего ты кричишь? Сонъ, что-ли ви-
дишь страшный, или у тебя что-ни-
будь болитъ?

Юра открылъ глаза и, увидѣлъ

лицо своей мамы: ласково смотре-
ли на него ея глаза и улыбались весе-
ло губы. Онъ вскочилъ и обнявъ ее
за шею, вдругъ радостно заплакалъ
и сталъ ее цѣловать.

— Мама, мамочка, сказалъ онъ,—
какой я сейчасъ сонъ видѣлъ страш-
ный!

И зарывъ голову у нея на груди,
онъ точно про себя проговорилъ:

— Теперь я всегда буду послуш-
ный.

В. фонъ-Бергъ.

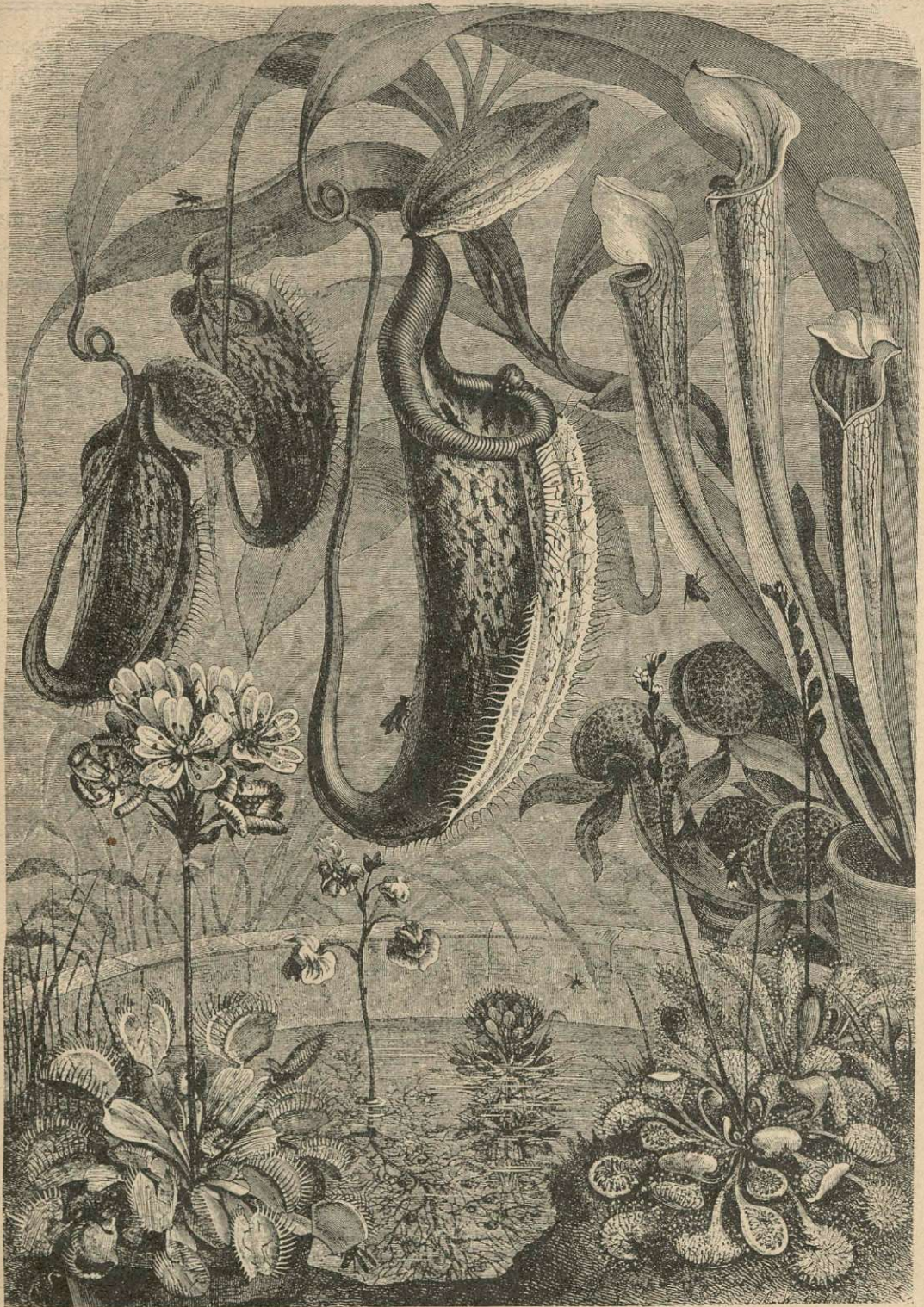

РАСТЕНІЯ, КОТОРЫЯ ПИТАЮТСЯ НАСѢКОМЫМИ.

На нашемъ рисункѣ показаны два
растенія: одно въ видѣ кувшиновъ—
это *Непентесъ* и другое въ видѣ
букета—это *Венерина мухоловка*. Не-
пентесъ водится въ тропическихъ
странахъ; кувшины ея достигаютъ
величины около 3 вершковъ и бывають
очень яркой окраски. Насѣкомыя,
завидѣвъ ихъ издалека, летятъ къ
нимъ, какъ и вообще ко всякому
цвѣтку; но такъ какъ Непентесъ
покрыта у самаго края кувшиновъ
медомъ, то насѣкомыя слетаютъ сюда
охотнѣе, чѣмъ ко всѣмъ другимъ
цвѣтамъ, и начинаютъ сосать медъ.
Насосавшись досыта, они увлекаются,
заглядываютъ внутрь кувшина и па-
даютъ въ него. На днѣ кувшина
всегда имѣется жидкость, въ которой
они и утопають. Нѣкоторыя умирають
уже черезъ короткое время, другія

пытаются спастись изъ ямы и вы-
ползти по внутренней стѣнѣ кувшина,
но по покрытой воскомъ, зеркально-
гладкой поверхности ея, они всякій
разъ снова соскальзуютъ и опять
падаютъ вглубь. Жидкость напол-
няетъ кувшинъ на одну треть его и
кисловата на вкусъ. Какъ только
упадетъ въ нее хоть одно насѣко-
мое, такъ тотчасъ-же растеніе вы-
дѣляетъ ея изъ себя еще больше.
Въ этой жидкости насѣкомыя и даже
брошенные въ нее кусочки мяса рас-
творяются безслѣдно. Получившійся
такимъ образомъ супъ растеніе тот-
часъ-же впитываетъ въ себя, то есть,
проще говоря, сѣдаетъ и вновь при-
нимается за ловлю насѣкомыхъ.

Венерина мухоловка растетъ въ
Сѣверной Америкѣ около Флориды.
Каждый листъ у нея состоитъ изъ

Растения, которыя питаются насѣкомыми.

двухъ половинокъ, вродѣ раковины. По краямъ этихъ половинокъ—волоски, похожіе на бахрому, а внутри каждой изъ нихъ, точно иглы, торчатъ по три острыхъ шипа. Растеніе это очень чуткое. Стоитъ только коснуться этихъ шиповъ, какъ оно тотчасъ-же захлопываетъ раковинку своего листка и зажимаетъ въ ней

то, что его побезпокоило. При этомъ находящіеся на краяхъ листа волоски заходятъ одинъ за другой, какъ пальцы двухъ сложенныхъ вмѣстѣ рукъ. И когда оно снова раскрываетъ потомъ свой листъ, то отъ попавшаго въ него насѣкомаго не остается и слѣда: оно оказывается съѣденнымъ.

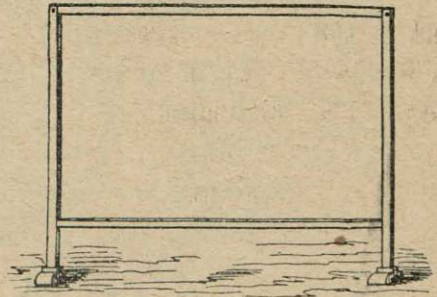
КАКЪ УСТРОИТЬ ТЕАТРЪ ТѢНЕЙ.

Даваемый нами въ приложеніи театръ тѣней состоитъ изъ передняго фасада театра и фигуръ.

Передній фасадъ необходимо раскрасить слѣдующимъ образомъ: лира наверху — красная, лавровые листья по бокамъ ея — зеленые, рамочка вокругъ занавѣса — желтая, а кружочки въ ней красные, драпировки — темно-красныя. Пустого мѣста, гдѣ долженъ быть занавѣсъ, ни подъ какимъ видомъ вырѣзать и красить нельзя, на немъ будутъ отражаться тѣни отъ фигуръ.

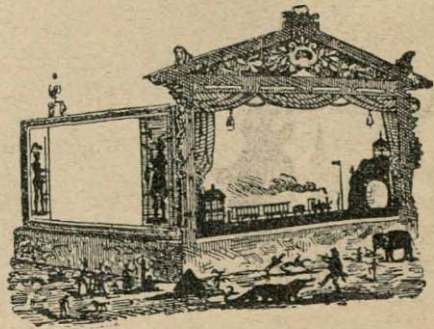
Этотъ передній фасадъ надо наклеить на рамку, которую легко сдѣлать изъ лучинокъ. Образецъ этой рамки показанъ на рисункѣ 1-мъ.

Бока слѣдуетъ забрать простымъ картономъ, на которомъ можно нарисовать какіе-нибудь рисунки. Такимъ образомъ, въ цѣломъ видѣ

Рисун. 1-й.

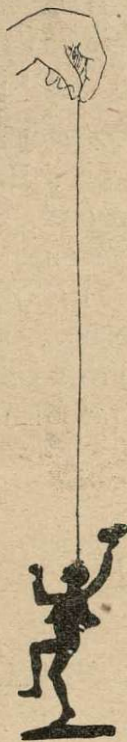
театръ долженъ быть такимъ, какъ на нижеслѣдующемъ рисункѣ 2-мъ.

Рисун. 2-й.

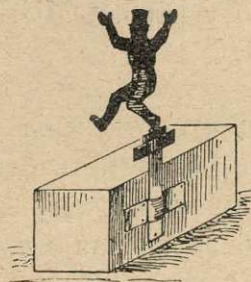
Фигуры наклеиваются на картонъ и вырѣзаются. Въ поѣздѣ вырѣзаются окна и бѣлыя пятна на дымѣ. Окна заклеиваются красной бумагой, а отверстія въ дымѣ—голубой. Окошечки въ бесѣдкѣ на туннель и въ станціи вырѣзаются и заклеиваются тоже красной бумагой. У задней стѣнки театра ставится горящая свѣча и между нею и переднимъ фасадомъ помѣщаются фигуры.

Чтобы привести фигуры въ движеніе, къ нимъ придѣлываются проволочки, съ которыми поступаютъ такъ, какъ показано на рисункѣ 3-мъ. Можно также ставить ихъ и на колодки или же про-

Рисун. 3-й.

сто руками передвигать справа направо и слѣва направо. Туннель со станціей устанавливается неподвижно, а поѣздъ двигается передъ ними вовсе не заѣзжая въ туннель, но будетъ казаться на экранѣ такъ, точно онъ

Рисун. 4-й.

въѣзжаетъ и точно въ немъ и въ станціи горятъ огни.

Фигуры можно дѣлать и самому. Можно даже разыгрывать цѣлыя сцены, напр. сказку о рыбацкѣ и рыбкѣ и др.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Г.г. Подписчиковъ, подписавшихся въ разсрочку, редакция очень проситъ поспѣшить высылкой остальныхъ денегъ, такъ какъ доставка имъ журнала съ 1-го Апрѣля уже будетъ прекращена.

ШАРАДА.

Слогъ первый — матерія, второй — польскій господинъ, а все вмѣстѣ — цвѣтокъ. Какой это цвѣтокъ?

(Предложила Т. Саплицъ).

ГОЛОВОЛОМКИ:

I.

Набирая стихотвореніе Пушкина, наборщикъ перепуталъ буквы и получилась такая чепуха:

Укратиха звѣнскія блезды прочно безраночъ нещугъ.

Переставить буквы такъ, чтобы вышло понятно, какое это стихотвореніе?

(Предложилъ Н. Хелмскій).

II.

Два отца, два сына, дѣдъ и внукъ съѣли по два яйца. Сколько всего яицъ они съѣли?

III.

Сколько ведеръ воды можетъ войти въ сороковедерную бочку?

Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ шараду и головоломки, будутъ напечатаны.

Разгадки шуточныхъ вопросовъ, шарадъ и ариомографовъ, помѣщенныхъ въ № 8 «Золотого Дѣтства».

Шуточные вопросы: 1) По напечатанному, 2) Продажная, 3) Потому что хлѣбъ былъ сырой. 4) Полъ + ушка = полушка.

Шарады: 1) Лось + осина = лосо-сина, 2) Пи + сто лѣтъ = пистолеть, 3) Сто + рожь = сторожь.

Ариомографы: 1) Перо, ласка, сельдь, осока, Неаполь, календарь, плакса, сорока, ладонь, лань, карась. Задуманное слово — Александръ.

2) Бѣлка, табакъ, собака, работа, соколь, колбаса, сталь, старость, лѣто, кость, сѣра. Задуманное слово — Старобѣльскъ.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Наташа Бѣлонож-кина изъ Коломны, Ваня Петровъ изъ Кіева, Петруша Николаевъ, Коля Надеждинъ изъ Москвы, Надя Борисова изъ Харькова, Гриша Александровъ, Евгений Конрадъ въ СПб., Андриуша Федотовъ донской казачокъ, Саша Григорьевъ изъ Варшавы, Митя Псіоль, Вова Грамматикати, Марина Петрова, Оля Алексѣева въ СПб., Гриша Ивановъ въ Одессѣ, Петя Ивановъ изъ Ростова на Дону. Ваня Семеновъ изъ Москвы, Витя Фаленковъ изъ Рыбинска, Петя Филипповъ на пути въ Крымъ, Коля Андреевъ изъ Харькова, Андриуша Александровъ въ Спб., Коля Семеновъ въ Спб., Липа, Володя и Шура Шумахеръ изъ Ростова на Дону, Ваня Сашенко изъ Поповки, Боря Сергѣевъ, Вѣра Скрипчинская изъ Гомеля, Сережа Иващенко, Женя Петрусь, Миша Тихоновъ изъ Сумъ, Юля Андерсонъ, Катя Филинова въ Спб., Боря Ляхницкій изъ Керчи, Варя Си-монова изъ Перми, Ваня Городецкій изъ Ниж-него-Новгорода, Боря Казанцевъ изъ Москвы, Андрей Сумцовъ, Францъ Шнейдеръ, Витя Быстрицкій въ Царицынѣ, Маруся Александрова въ Спб., Алла Терехова изъ Астрахани, Жор-жикъ Нижниковъ изъ Гатчины, Андрей Зубовъ въ Спб., и очень многіе другіе.

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія),

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ—въ **Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3;** б) для городскихъ подписчиковъ—въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40), и Т-ва М. О. Вольфъ (Гостинный Дворъ и Невскій).

Подписной годъ съ 1-го ноября.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

